

убеждены в том, что этот роман не является исключением в творчестве писателя, это эссе - анализ периода НЭПа. У И. Эренбурга повторяются мотивы, которые он уже использовал для описания жизни в предыдущих его романах. Кажется даже, что Эренбург сосредоточил в этом романе тематику всех прежних своих произведений. Из этого следует, что необходимо рассматривать "Заговор равных" не только как исторический роман. Автор отразил в зеркале французской революции картину НЭПа. Можно предположить, что писатель хотел помочь читателю в раскрытии значения романа, проводя через него в качестве одного из центральных мотивов театра. Как будто перед нами те же русские революционеры, те же люди 20-х годов, но только в масках, костюмах и декорациях конца 18 века.

"Заговор равных" закономерен для этого периода в творчестве писателя. Бунтовщикам типа И. Эренбурга после 1934 года места на литературной сцене уже не было. Поэтому можно считать "Заговор равных" временным завещанием бунтовщика: последним проявлением сатирика Эренбурга перед тем как сдаться требованиям соцреализма. На то, что он, однако, сам не изменился, автор намекал в автобиографии: "Человек за полвека сменяет много костюмов, но остается при этом самим собой".

Н. В. Пуртова
Екатеринбург

ЖАНР ЖИТИЯ В ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ

Прежде всего, необходимо определить, что такое древнерусская философия. Современная наука предлагает несколько подходов. Так представители традиционного направления, исходя из понимания философии как науки, изучающей проблемы бытия, мышления, познания, этики, эстетики и т.д., ищут в древнерусской письменности рассуждения на подобные темы, называя это древнерусской философией. Представители другого подхода (А. Ф. Замалеев) пытаются доказать возможность появления древнерусской философии непосредственно из славяно-русского язычества независимо от процесса христианизации. Третье направление (М. Н. Громов) возникает в результате обращения к предельно широкому пониманию философии как универсальной мудрости. Согласно четвертой точке зрения (В. С. Горский, С. Б. Крымский), отечественная философия в период

средневековья развивается в русле духовно-практического освоения мира.

Первое в славянской литературе определение философии, воспринятое и древнерусской культурой, содержится в “Пространном житии Константина-Кирилла Философа” и восходит к определению философии, данному в VII веке византийским богословом Иоанном Дамаскиным. Это понимание философии представляет собой универсальный образец для культуры, испытавшей воздействие христианской византийской традиции. Однако определение Иоанна Дамаскина не отрицает и не заменяет многообразия толкований философии, существовавших на Руси (философ - это и язычник, ведущий споры с христианином, и особо авторитетный христианский мыслитель, и просто носитель житейской мудрости). Но реально быть философом мог лишь тот, кто выступал как автор текста. Такое авторство привело к традиционализму, превратившему средневековую культуру в культуру образцов, что относится в первую очередь к агиографическим сочинениям, являющимся выразителями религиозной философии.

Темой философствования в агиографии становится обращение к образу святого как посредника между миром людей и потусторонним, трансцендентным миром, как человека, помогающего приблизиться к Богу. В то время как святость Иисуса Христа направлена в макрокосм, т.е. в бесконечность, святой является идеалом, направленным в микрокосм, т.е. к человеку и социальному миру. Особая роль в этом процессе отводится Деве Марии, которая, с одной стороны, поставлена рядом с Богом, а с другой, остается, в отличие от Христа, приближенной к людям.

В философии средневековья становится центральной проблема человека. Суть самой философии заключалась в поучении, как человеку своими делами приблизиться к идеалу, достижение которого составляет смысл его бытия. Здесь важно также и акцентирование нравственно-назидательной направленности философии в агиографических сочинениях, поскольку в житиях содержится поучение о правильной жизни.

Следующим элементом философствования в житийной литературе является размышление о смерти - как “произвольной”, так и “естественной”. “Естественная” смерть предполагает прекращение существования человека, а “произвольная” - освобождение от “ига” страстей, обуревающих его, содействуя уподоблению человека Богу как высшей цели. В мученических житиях существует некий синтез двух

смертей, мученическая смерть человека становится залогом рождения святости, и это нравственное обновление жизни - важнейшее достижение христианства.

С размышлениями о смерти связан мотив “вечной” и “временной” жизни. Мотив - стремление к “вечной” жизни - присутствует, главным образом, в эпизодах, когда христианам предлагается жизнь за участие в языческих обрядах или за исполнение “нечестивого желания”. В этот контекст органично вписывается эстетическая проблема соотношения телесного и духовного в образе святого. Обычно такое соотношение возникает применительно к женщине. В житиях превозносится плотская чистота женщины (страх перед блудилищем, желание остаться невестой Христовой, верность мужу-христианину). Телесная чистота - важный элемент женского начала, посредством нее достигается духовное совершенство, становится возможным получение Венца, “вечной” жизни вместо “временной”.

Одним из основных элементов житийной литературы являются чудеса, совершаемые святым или Богом в защиту святого. Чудо проникает во все проявления жизни, как бы пытаясь связать земной мир и трансцендентный. По существу, весь мир является для человека чудом, поскольку он считается недоступным для исчерпывающего познания разумом, ведь мир сотворен трансцендентным Богом. Чудо - это “знамение”, свидетельствующее о воле Бога, дающее возможность предугадать развитие событий земного бытия.

В агиографических сочинениях словесное начало (слово) играет роль “посредника”, “моста” между земным и небесным, в нем заключена сокровенная суть бытия. Слово в житии многофункционально: оно является и главным противодействием насилию, совершаемому над христианами, и средством общения людей с Богом, и средством воздействия одного человека на другого.

Для древнерусской философской мысли характерно многоголосие, она развивается как полифония различных позиций, уходящих корнями в разнообразные религиозно-мифологические мировоззрения, реально сосуществующие и взаимодействующие в культуре (язычество, христианство). Поэтому оригинальная русская агиография появляется путем пересечения устной народной традиции и переводной византийской литературы.

Агиография создает образ идеального христианина, святого, основное стремление которого заключается в уподоблении Богу. Поэтому естественно, что такая идеализирующая литература оказывает

существенное воздействие на формирование древнерусской философской мысли.

М. А. Резун
Томск

ПОЭТИКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В РАССКАЗЕ Е. И. ЗАМЯТИНА "ЕЛА".

Популярность психоанализа в России первой трети XX века общеизвестна, и это находит свое отражение в литературе. Внимание к "бессознательным истокам" жизни, "тайному тайных", столь характерное для творчества И. Бабеля, Вс. Иванова, Б. Пастернака, М. Зощенко, Б. Пильняка, без труда обнаруживается и в прозе Е. И. Замятина этого периода. Именно в психоаналитических образах художник мыслит тайну творчества (см. статью Е. Замятина "Закулисы" в сборнике "Как мы пишем").

В новеллах "Ела" (1928) и "Наводнение" (1929) художник обращается к постижению внутренних глубин человеческой психики, и категория бессознательного становится смыслообразующей.

Интерпретация конфликта "Елы" как классического, традиционного для русской литературы имеет свою историю в замятиноведении. Д. Ричардс, А. Шейн, И. Попова, склонны видеть в рассказе продолжение гоголевских традиций в изображении "маленького человека": ела для героя Замятина - это та же долгожданная шинель для Башмачкина. И гибель героя свидетельствует о невозможности овладеть мечтой, которая подменяется обывательскими желаниями. Думается, что прочтение рассказа Замятина только сквозь призму гоголевского интертекста, упрощает авторскую концепцию. Более того, диалог с Гоголем здесь носит скорее игровой, камуфляжный характер, ибо классическая для русской литературы коллизия наполняется здесь совершенно другими смыслами.

Покупка елы для Цыбина становится единственной возможностью "догнать счастье", обрести "новую, великолепную жизнь". Безрадостное и бессмысленное существование, на которое обречен Цыбин со своей женой Анной, превращается в ожидание елы: "Как ребенок внутри женщины, в этой коробке лежала их ела, трудно, медленно зрела, питаясь человеческим соком, - и, может быть, теперь уже близок был час, когда она наконец родится". "Увязывание основной коллизии произведения с главным лейтмотивом замятинского